

Освободительное движение Илии Громогласова

Илья Михайлович Громогласов. Блестящий профессор, принципиальный и свободомыслящий ученый. Изгнанный из Академии и вновь почетно восстановленный в своем звании, чтобы снова подвергнуться притеснениям и гонениям, на этот раз от советской власти, — и вновь послужить Церкви на Поместном Соборе 1917–1918 годов и в «подпольной» Московской академии 1920-х.

Священник Илья Громогласов. В 1922 году названный первым в списке ГПУ среди приближенных лиц Патриарха Тихона, что по логике

тех лет означало тюрьмы, ссылки, а часто и «высшую меру». Впрочем, развязка последовала только в 1937-ом, а перед этим — аресты... Сургут, потом Тверь. С особым чувством вспоминал отец Илья свое краткое настоятельство в храме Воскресения Христова в Кадашах — меньше двух лет, да и то прерываемое заключением.

Священномученик Илия. Прославление в лике святых на Юбилейном Соборе 2000 года подводит некую черту, завершает (хочется употребить славянское слово «совершает») земной путь священномученика. Внешние черты

и знаки отличия постепенно тают. Остается лишь главное: человек, личность в ее устремленности к Творцу. Биография прелagается в житие, фотография в икону.

Впрочем, не забудем и того, что церковная канонизация совершается не для святых, не для тех, кто, соблюдая веру, уже окончил земное течение. Пример праведной жизни и праведной кончины нужен прежде всего нам, чтобы не потеряться в густых зарослях житейских обстоятельств, не упустить из вида единого на потребу. Не было такой эпохи, когда жизнь христианина не была бы страданием и страхом, борьбой и выбором, свершением и решимостью.

Беды от лжебратии

Илья Михайлович Громогласов был, как сейчас говорят, *self-made man*. С детства окружающая обстановка мало способствовала достижению им высокого общественного положения. Как скажет он впоследствии на показательном процессе по делу «церковников», бедность семьи его отца, диакона Михаила Громогласова, «граничила с нищетой», «с 14 лет я стоял на своих ногах, а с 20 лет я содержал вдову-мать, сестер и детишек, сидя на студенческой скамье».

Илья Михайлович родился в 1869 году. После окончания Тамбовской духовной семинарии в 1889 году он был принят в Московскую духовную академию. Уже в кандидатском сочинении, озаглавленном «Следует ли совершать священнодействие брака над лицами, обращающимися из раскола и жившими до обращения в супружестве?», проявилась смелость и независимость его оценок, подкрепленная, впрочем, солидной научной аргументацией. Используя значительный по объему материал, И.М.Громогласов показывает, что Церковь в течение многих столетий считала гражданский брак сакраментально действительным, хотя и признавала необходимым благословение его Церковью. Отсюда, учитывая историческое развитие церковного благословения брака, он приходит к выводу, что «нельзя считать догматически-существенным и безусловно-необходимым то, что в одно время не существовало, а потом начало существовать», давая таким образом отрицательный ответ на титульный вопрос своего сочинения. Несмотря на отдельные замечания, кандидатская работа в целом была одобрена,

и Громогласов даже получил за нее премию митрополита Иосифа.

Будучи профессорским стипендиатом на кафедре Церковного права, он посещал лекции по юридическим наукам в Московском университете, а в 1895 году был принят доцентом по кафедре Истории раскола в Московскую академию.

В 1906 году в ответ на бурную дискуссию о состоянии духовного образования, развернувшуюся в печати (особенно следует отметить сборник 1906 года «Духовная школа», подвергающий систему духовного образования уничтожительной критике), И.М.Громогласов пишет статью с характерным названием «Бастилия духа», опубликованную в «Богословском вестнике». Основные причины неудовлетворительного положения семинарского образования он видит в сословности школ, а также в «погоне за двумя зайцами»: подготовкой пастырей и общим образованием детей духовенства.

В том же 1906 году выходит статья И.М.Громогласова в «Московском еженедельнике», где он, рассуждая о современном положении Церкви, замечает, что «среди лиц, не утративших связей с Церковью, чувство тревоги за будущее нередко берет перевес над уверенностью в способности официальных руководителей нашей церковной жизни удержаться на желаемой высоте; Церковь в лице своей правящей иерархии не осмелилась поднять протестующего голоса даже и тогда, когда самодержавие в лице императора Петра I посягнуло на ее внутренний строй».

В 1908 году он защищает магистерскую работу «Определения брака в Кормчей и значения их». В декабре 1909 года И.М.Громогласов — экстраординарный профессор. Но бескомпромиссные политические заявления не прошли даром. Разразившийся в 1910 году скандал по поводу замещения вакантной должности профессора по кафедре Церковного права, получивший неофициальное название «дело Громогласова», расколол профессорскую корпорацию Академии на две враждующие группировки. Громогласова предложил в качестве своего преемника уходивший на покой профессор Н.А.Заозерский, но новый ректор Академии епископ Феодор (Поздеевский) настаивал на кандидатуре Н.Д.Кузнецова.

«Дело» кончилось изгнанием Громогласова. В феврале 1911 года Синод потребовал от него подать прошение об увольнении из Академии ввиду «принадлежности к так называемому

освободительному движению» и «несоответствующего профессору Духовной академии образу мыслей».

Оставшись не у дел, Илья Михайлович продолжал научную деятельность и одновременно готовился к преподаванию в Университете. Он был принят в Московский университет только в 1916 году, вскоре получил должность сверхштатного профессора, на которой и оставался до 1921 года.

С увольнением в 1917 году ректора епископа Феодора, обстановка в Академии существенно изменилась. По ходатайству Ученого совета И.М.Громогласов был восстановлен в прежнем звании. Впрочем, пользоваться профессорскими привилегиями ему долго не пришлось; лекции он читал только осенью 1918 года, заменяя заболевшего профессора А.И.Алмазова. Все отчетливее проступали черты нового послереволюционного порядка; академическая жизнь замирала. Предположительно Громогласов продолжал преподавать еще до 1922 года, когда были закрыты последние московские «филиалы» Академии.

Забота о всех церквях

Поместный Собор 1917–1918 годов остается для нас как бы заслоненным великими политическими катастрофами этого периода, рядом с которыми любое параллельное общественное явление представляется скромным и незначительным. Но не стоит забывать, что Поместный Собор стал своеобразной жатвой, подведением итогов мучительных размышлений и жарких дискуссий начала XX века, в которые оказалась вовлеченной лучшая часть неравнодушной церковной общественности. На Соборе 1917–1918 годов церковная мысль достигла наивысшей точки за весь Синодальный период.

Не остался в стороне от соборных прений и Илья Михайлович Громогласов. Как признанный специалист по церковному праву он был включен уже в Предсоборный Совет и явился одним из наиболее активных и деятельных участников заседаний Собора. В своих выступлениях он касался таких актуальных вопросов, как служение диаконисс, употребление в бого-

служении русского языка (которое он находил принципиально возможным), соотношение монашества и епископата, создание единовременных епархий, второбрачие клириков.

19 января 1918 года святой Патриарх Тихон опубликовал послание, в котором анафематствовал совершителей кровавых расправ и призывал верующих на защиту святынь. На соборном заседании 22 января Илья Михайлович выступал после священника В.И.Востокова, провозгласившего, что «единственное спасение русского народа — православный русский мудрый царь». «Единственная наша надежда, — сказал И.М.Громогласов, — не в том, что будет у нас земной царь или президент — как угодно назовите, а том, чтобы был Небесный Царь — Христос: в Нем одном нужно искать спасения. Вместе с вами я благоговеино преклоняюсь перед мужественным и суровым

словом Патриарха, которое давно пора было сказать. Мера безумия и беззакония исполнена, и было бы неразумно отказываться от применения самого сильного средства, которое есть у Церкви. У Церкви нет другого, более сильного оружия, чем отлучение. Это — дело великое, но и последнее, что есть у Церкви, кроме надежды на беспредельную милость Божию. Нужно, чтобы слово отлучения не осталось направленным в пространство, по неизвестному адресу. Нужно определить твердо и ясно, кто именно те враги Христа и Церкви, против которых поднято это грозное оружие; нужно, чтобы отлучение было реальным, действенным отчуждением, отделением тех, кто всею душою предан Церкви, от ее врагов и гонителей. Настал момент нашего самоопределения; каждый должен пред лицом своей совести и Церкви решить сам за себя, сказать, кто он — христианин или нет, остался ли он верен Церкви или изменил Христу, верен он знамени Церкви или бросил его, топчет ногами и идет за теми, кто попирает наши святыни».

И.М.Громогласов для себя этот выбор сделал. В начале 1922 года он оставил светскую службу, приняв твердое решение стать священнослужителем,— поступок, для которого в условиях гонения требовалось огромное мужество.

Гонения от единоплеменников

18 февраля 1922 года Святейший Патриарх Тихон рукоположил Громогласова в сан диакона ко храму святого мученика Антипы в Москве, а через два дня — в сан священника к той же церкви. Принятие Ильей Михайловичем священного сана почти совпало по времени с началом кампании по изъятию церковных ценностей. В записке зампреда ГПУ И.С.Уншлихта от 20 марта 1922 года говорится: «Патриарх Тихон и окружающая его свора высших иерархов, членов Синода в лице: Громогласова, протоиерея Хотовицкого (неофициальный член Синода), митрополита Никандра (Феноменова), епископа Серафима, профессора богословия Лапина и других в противовес декрета ВЦИК от 26.02.1922 об изъятии церковных ценностей ведут определенную контрреволюционную борьбу и ничем не прикрытую работу против изъятия церковных ценностей...» Далее в записке Уншлихт предлагал арестовать Патриарха и Синод, а всех «попов и церковников, резко выступающих против изъятия»,

Икона священномученика
Ильи Громогласова
(память 22 ноября/5 декабря)

выслать в голодные губернии, где их «афишировать как врагов народа». Правда, в Синоде Илья Михайлович не состоял: с Патриархом Тихоном он сблизился по работе в Высшем Церковном Совете.

22 марта отец Илья был арестован и заключен во внутреннюю тюрьму ГПУ. В ноябре-декабре 1922 года последовал показательный процесс — в тот год уже второй «процесс церковников», — на котором Громогласов был приговорен к полутора годам заключения. На свободу отец Илья вышел в августе 1923 года и тогда же он был назначен настоятелем московской церкви Воскресения в Кадашах, в

которой многими любимый протоиерей Николай Смирнов в свое время ввел общенародное пение и организовал при храме сестричество. Отец Илья Громогласов служил на втором ярусе двухэтажного храма и окормлял общину сестер. По воспоминаниям одной из них, скоро он стал душой храма, с которым и сам сроднился. В далекой северной ссылке он писал:

В стране суровой и глухой
Не раз с глубокою тоской
Я вспоминал далекий край,
Души моей заветный рай —

Москву священную, и там —
Прекрасный, дивный Божий храм,
Богослуженья чинный ход
И многочисленный народ,

Могучий всенародный хор,
Повязки белые сестер,
Пред алтарем ряды детей —
Весь милый облик Кадашей.

Весной 1924 года отец Илья, к тому времени уже протоиерей, был снова арестован, но через две недели отпущен по состоянию здоровья. Третий раз он подвергся аресту весной 1925 года. На этот раз его приговорили к трехлетней ссылке, которую ему пришлось отбывать в поселке Сургут Тобольской области. В 1928 году отец Илья поселился в Твери: проживание в Москве было ему запрещено. Служил он в храме в честь иконы Божией Матери Неопалимая Купина. Этот храм был одним из последних мест служения священномученика Фаддея (Успенского), назначенного в Тверь в том же 1928 году. Интересно отметить, что с владыкой Фаддеем протоиерей Илья был знаком еще по учебе в Московской академии.

Начались гонения 1937 года. В ночь со 2 на 3 ноября сотрудники НКВД пришли арестовать священника. Из дома у него взяли все сколько-нибудь ценное: наперсные кресты, крест на престольный, магистерский знак, священнические облачения, личные бумаги, и книги самого священника, написанные им в бытность его профессором Академии.

После допроса отца Илью увезли в тюрьму. Допросы проходили в течение месяца, возможно ежедневно, и на них отец Илья держался мужественно. Последний допрос состоялся 29 ноября. Обвинения носили заведомо

абсурдный характер: профессору-протоиерею инкриминировалось «участие в контрреволюционной фашистско-монархической организации, существовавшей в городе Калинин». Отец Илья твердо отрицал возводимые на него ложные обвинения и никого не оговорил.

На следующий день были вызваны «дежурные свидетели», обновленцы, которые подписали протоколы допросов, предложенные следователем, против отца Ильи и других священников. 2 декабря Тройка НКВД приговорила священника к расстрелу. Через день, 4 декабря 1937 года протоиерей Илья Громогласов был расстрелян.

19 сентября 1999 года священномученик Илия Громогласов был прославлен в лике местночтимых святых Тверской епархии, а постановлением Юбилейного Архиерейского Собора 2000 года внесен в Собор новомучеников и исповедников Российских для общецерковного почитания.

Николай Солодов, 4 курс МДС

Материал составлен на основании книг «Страстилаты академические» протодиакона Сергия Голубцова и «Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия» (том 3) игумена Дамаскина (Орловского).

Избранная библиография профессора И.М.Громогласова:

1. О вторых и третьих браках в Православной Церкви. Историко-канонический очерк // БВ.— 1902. №№ 9-11.
2. Канонические определения брака в Кормчей и значения их // БВ.— 1907. №№ 1, 2, 7-11; 1908, №№ 11-12.
3. О сущности и причинах русского раскола, так называемого старообрядчества (пробная лекция в МДА) // БВ.— 1895. №№ 4-5.
4. Освободительное движение и Православная Церковь // Труды Московской Комиссии по церковным вопросам.— М., 1906.
5. Бастилия духа // БВ.— 1906. № 3.
6. Как надо преобразовывать Церковь. — М., 1917 (Серия народных брошюр на современные политические темы, № 20).